

Р. П. Чернов

ОСНОВЫ ЛЮДОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Рустам Чернов

**ОСНОВЫ ЛЮДОЛОГИЧЕСКОГО
ПОЗНАНИЯ**

«Издательские решения»

Чернов Р. П.

Основы лудологического познания / Р. П. Чернов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854358-6

Все люди служат Богу, не все просто знают об этом. Эта книга для тех, кто желает расширить свои представления о Мире, Боге и себе самом. Вы познакомитесь с основами интереснейшего лудологического (ludo — играю, Logos — знание) метода познания, позволяющего прикоснуться к основам мироздания так, как это делали величайшие умы философии — в одиночестве социального, но в компании Истины. Для каждого, кто неравнодушен к вечным вопросам.

ISBN 978-5-44-854358-6

© Чернов Р. П.
© Издательские решения

Содержание

Основа 1	6
Основа 2	7
Основа 3	8
Основа 4	13
Основа 5	16
Основа 6	18
Основа 7	22
Основа 8	23
Основа 9	25
Основа 10	31
Основа 11	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

ОСНОВЫ ЛЮДОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Рустам Павлович Чернов

Иллюстратор Винсент Ван Гог

© Рустам Павлович Чернов, 2020

© Винсент Ван Гог, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4485-4358-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Основа 1

Каждый, кто видит мир как возможный предмет анализа, как единое основание для формирования собственного суждения о мире, ищет то, благодаря чему можно упорядочить хаос воспринимаемого, то, что можно назвать *ключом* к познанию любого элемента, доступного восприятию. В зависимости от удачливости данных поисков само восприятие может ограничиваться, с тем, чтобы сформировать определенное поле познания, исключающее появление такого предмета познания, в отношении которого найденный метод будет бессилён, а сформированная методология – несостоятельна. Такова судьба любого ключа – он не может открывать все двери.

Изолированное восприятие проигрывает воле суждения по двум основаниям. Любая изоляция предполагает нахождение в поле известного человеческого, и данный факт со временем делает из очерченного круга возможного для познания саму форму познания. Заглянуть в суть бытия, вырваться за пределы сознаваемого с тем, чтобы постигнуть то единственное, что организует и творит окружающее. Это желание в человеке возникает с необходимостью, но кто – то глушит его, кто – то принимает за болезненность, некоторые следуют ему весьма долгое время, в итоге приходя к уверенности отсутствия чего – либо, кроме логики абсурда. Каждый, кто прошел путь отрицания уверенности в существовании окружающего, приходит к тому, что нет ничего, что было бы достойно атрибута действительного. И верны выводы тех, кто добился формирования своего видения мира и системы данного мира. Воля суждения как предельное основание, как то, что заменяет собою пустоту после личного анализа данного мироздания. В системе *«активный субъект познания – мир»* существует только два мнения: мнение системы сформированного нового и хаос мнений мира, противостоящий данной системе.

И это нормальность устройства бытия человека. Так формируется *новое*, превращаемое в повседневность с течением времени.

Предельной задачей изменения мира вообще, видится именно возможность изменения данного алгоритма: *от бытия одного к бытию всех*. Зародить в каждом способность личной воли – задача, которая виделась великим, но и здесь было упущение: не каждый способен слышать там, где ухо не приучено слышать. Необходим *язык и понятная* всем форма доступности, необходима не случайность как это бывает сейчас, и не божественность как хотелось бы, а то благодаря чему будет возможно путешествие по всем формам организации человеческого.

Вот задача данной работы. Приблизиться к той системе понимания мира, которая позволит нам вернуться к точке отсчета для западной цивилизации, к генезису философии.

Основа 2

Философские системы наиболее близки к индивидуальности, они ориентированы на отдельного индивидуума как на целостность, а не на его способности, привитые обществом в тот или иной период временного континуума. Философия потому и предельная основа этого мира, что методом исследования мира является человек, доведенный до предельности своего существования, неуверенный в собственности самое себя в том виде, в каком он был до того, как встал на путь познания; замещающий пустоту своего сознания собственным продуктом опосредования мира, – все тот же одиночка, вырванный из времени и пространства магией чтения, приобщения (тождественность мысли и слова).

Мир, смоделированный согласно собственной системе, есть форма нового мира. Удивительно то, что данные миры похожи и различны в той степени, в какой различны основы методологии философов. Но их единство есть то, что заставляет нас искать *единое основание*. Понимать *философии* как результат максимального приближения к элементу общей проблемы, без потери чувства самой проблемы. Система, в которой внимание, уделяемое одному элементу не означает отказ от других, – нуждается в полном изучении.

Каково наше предельное *единое основание*? Мы выбрали в его качестве *игру*. Сейчас, будучи во многом очищенным от сознания банального и оригинального, значительного и полезного и так далее, от всех камней этого общественного, часто спрашиваю – почему именно игра, и почему именно теория познания, а не просто некоторая форма личной уверенности в качественности мира?

Людология. Нам хотелось бы, чтобы это слово стало тем же, чем является и логика сегодня. Пока же мы вынуждены его представить. *Ludo (играю), Logos (знание)*; знание, добытое с помощью познания мира *sub specie ludi*.

Данная работа первая в области методологии людологии, предыдущие были, как это ни странно, посвящены результатам познания с точки зрения людологии, и неизвестны никому, кроме библиографов мысли. Поэтому здесь неизбежны повторы ранее высказанного и обозначенного, что, несомненно, покажется претенциозным, но лишь потому, что многое из того, что будем говорить здесь уже выстрадано ранее и потому приемлемо как аксиома. Пусть простят нам это.

Основа 3

Почему же все таки игра, с точки зрения игры?

Неслучайно было сказано – *дайте точку опоры и я сдвину землю*. В мире человека сложно найти основание, приобщение к которому позволяло бы упорядочить мир относительно самого себя. Не будем выдавать свои предположения за основания своей правоты и обращаться к генезису человека. Обратимся к самому себя. Что в нас дает нам право на утверждение бытия самого себя?

Мир *внешнего* – всего воспринимаемого, корреспондируемого нам. Он может быть разделен на то, что создано подобными нам, людьми, и то, что не имеет отношения к результату деятельности человека, то, что мы способны воспринимать вне воздействия внешних форм корреспонденции общественного (например, непосредственно видеть природу, звездное небо и прочее). Последние перцепции носят строго чувственный характер (зрение, слух и так далее). Их восприятие основывается на том внутреннем содержании человека, которое позволяет идентифицировать воспринимаемое, которое в своей перцепции так же принадлежит общественному, так как до нашей чувственной перцепции оно было уже опосредованно подобными нам. Редкое исключение – первый открытый выход в космос, но и это условно, так как присутствуют продукты жизнедеятельности человека при непосредственно чувственном восприятии.

Мир *внутреннего* – все то в нас, что недоступно для восприятия других. Прежде всего, наша мысль вне пределов ее выражения (жест, слово, письменность, поведение). Второе, – все то значение внешнего мира, которое знаем и понимаем только мы, и все изъятые из области доступности любому другому как в сфере своего создания, так и в сфере понимания (ранее не существовавшее, впервые созданное, к сожалению и плод распада сознания – галлюцинации, видения). Впрочем, весьма сложно провести между творчеством и болезнью границы ясные и отчетливые.

Две области, существующие только относительно ситуации познания, включающего в себя оценку самого себя как предмета познания и предположение того, что помимо мира мыслимого существует и то чувственное, бытие которого зависит от твоей мысли только в рамках бытия твоей перцепции, но не связано ею в экзистенции. Иначе мир предстает как форма представления и только.

В чем соединяются данные области? В самом человеке. Последний представлен:

1. Ощущением собственного тела;
2. Чувством собственного тела;
3. Всем тем, что заимствовано и привнесено в человека из мира внешнего. Язык, имя, уход за внешностью, одежда, поведение, система идентификации предметов и вещей, навыки использования последних и так далее, тезаурус практически бесконечен;
4. Знанием о незнании того, что еще не привнесено и не заимствовано им из мира внешнего;
5. Внешней атрибутикой, миром вещей, подчиненных навыкам и умениям;
6. Мыслью, способностью мыслить;
7. Чувствами, способностью чувствовать;
8. Способностью создавать (преобразовывать) то, что не было привнесено и корреспондировано из области внешнего в том виде в каком оно существует в момент создания;
9. Совокупностью идей, образов и так далее (продуктов опосредования мыслью), составляющих результат существования человека и его взаимодействия с внешним (может существовать как в рамках сознания человека, так и вне его).

Довольно сложно, не правда ли? Главное громоздко и бесконечно ничего не значаще. Может быть и 20 пунктов, и 100, и каждым по 100 и так далее; не исчерпать поля исследования. Это мифологизирование – *называть, чтобы существовало*.

Необходим *органон* подинамичнее, формула, а не повесть. Вернемся к двум областям. Отвлечемся от знания о мире. Что мы знаем о самих себя? В этот самый момент, в тот момент, когда задаем себе этот вопрос... Изолируемся временем задавания этого вопроса, изолируем свое бытие, мгновение, ни до него ни после ничего не существует, именно это мгновение. Пойдем дальше – мысленно (реально не получится) сбежим от всего общественного, от всего внешнего, попытаемся отказаться от языка, на котором думаем, от среды, в которой находимся, от ощущения температуры, почвы под ногами, звуков и всего, что может прийти в нас через чувства, мысли в тот самый единственный миг этого вопроса? Что же останется?

Благодаря тому, что данный эксперимент возможен с гносеологической точки зрения, мы можем сказать единственное, что тот зазор, который остается в человеке при вычитании из него всего внешнего; то, что позволяет ему при этом быть в области мысли отрицанием невозможности такой ситуации, как форма уверенности положительности своего существования – есть то, что мы называем областью *бытия в возможности*.

Бытие в возможности как имманентно заданное бытие человека. Это бытие мысли в человеке, а точнее бытие мысли в перцепции человеческого. Человек, даже лишенный всего внешнего, человек, не способный мыслить, не способный двигаться, парализованный, психически, как сегодня принято говорить, не здоровый, сохраняет способность создавать и воспроизводить то, формой чего он является – бытие в возможности, мысль. Пусть непонятную, пусть в формах недоступных для восприятия, но все же мысль.

Бытие в возможности – центральная категория людологии. В тексте для сокращения оно обозначается как «БВВ», в формулах как латинское «V». *В самом простом определении бытие в возможности – это бытие самой мысли*. Усложненное понимание позволяет говорить о том, что БВВ является достаточным основанием для того, чтобы констатировать существование, бытийность. Простейшей иллюстрацией этому является всем известное *cogito ergo sum* (Р. Декарт). Сложнейшие – мир как представление (А. Шопенгауэр), мир как воплощение идей (Платон), собственно авторское, но запутанное историческими переводами, – бытие в возможности как элемент бытийности (Стагирит), мир как воплощение развития духа (Гегель), мир как позитивное противостояние непознаваемым, заданным формам познания (Кант), пожалуй, остановимся.

Это ли наша точка опоры? Да, на первый взгляд, она вполне достаточна, чтобы подвергнуть мир классификации (Гегель так и поступил, в свое время). Сделаем такую попытку.

Посылка. Мир человека – это мир, *опредмеченных* мыслей, все в человеческом подчинено тому, что опосредовано мыслью, каждая вещь, каждое чувство, все имеет форму мыслимого, сама мысль имеет название мысли. Экзистенция человеческого бессознательно увязана с мыслью, в любой религии человек был сотворен в соответствии с *замыслом*, согласно мысли. Мысль как зеркало бытийности. Далее можем ли мы себе представить существование чего – либо вне мысли не отдельно взятого человека (то есть немислимое, – отрицание на уровне форм выражения – языка), а в пределах мыслительной способности когда – либо присущей всему человеческому в его совокупности мыслительных усилий? Однозначный ответ – нет. Мы живем в кругу названных вещей, чувств, страхов и так далее. Существует только то, что названо. Возможны моделирования невозможного, но это форма знания о незнании, невозможности, недопустимости и прочее. Мысль однозначно детализирует все с той или иной степенью, начиная от подробнейшей структурированности, и заканчивая табуированностью и символикой.

Вывод: классифицируя мысль, формы мысли, мы можем классифицировать мир, упорядочить его.

Осталось выбрать основания (отстраняясь от языкового барьера, будем употреблять вместо «мысли» термин бытие в возможности, БВВ).

Какие основания классификации мы выберем? Следуя классике – содержательные и формальные. Формальные: субъектные (по носителю БВВ), организационно – упорядоченные (чем выражено, представлено), структурные (соотносимость, сопоставленность). Содержательные: объектные (что опосредовано мыслью), объемные (организация относительно времени, пространства, количества носителей), динамичные, но это уже чуть забегаая вперед (реализованная мысль и мысль как мысль и только).

Итак, мир как бытие в возможности представлен.

Формальные основания субъектные

1. БВВ отдельного человека. Все то, в человеке, что опосредовано его мыслью;
2. БВВ двух и более лиц. Такое бытие в возможности, которое является общим для его носителей (понятие семьи, коллектива, тотема, корпоративности, любви, дружбы и так далее);
3. БВВ неперсонифицированного круга лиц. Бытие в возможности, носителем которого выступает любой (понятие человек, жизнь, мир, смерть, судьба, Бог и прочее).

Организационно – упорядоченные

1. БВВ как бытие в возможности. Мысль как мысль в рамках сознания одного человека, не выражаемая во внешнем;
2. БВВ, выраженное в языке (устно, письменно);
3. БВВ, выраженное средствами и методами, не связанными с языком (математика, геометрия, язык жестов, танец, мимика, символизм, программирование и прочее);
4. БВВ приобщение, к которому передает значение, соотносимое и сопоставленное, доступное для понимания (инструкции, законы, тексты, язык, слово, любое воспринимаемое БВВ);
5. БВВ, приобщение к которому невозможно, формы утраченного значения. (критская тайнопись, шифры к которым потеряны декоды и т.д.).

Структурные:

1. БВВ свободной циркуляции, доступное любому;
2. БВВ ограниченной циркуляции (представления определенных сообществ – тюремные, армейские мифы, государственная тайна, коммерческая тайна, тайна исповеди, адвокатская тайна и прочее).

Содержательные основания объектные

1. БВВ бытия в возможности, мысль о мысли (философия, наука, психология, самоанализ и прочее);
2. БВВ человека без бытия в возможности, приписываемое значение (малолетние дети, умалишенные, авторитетность, мистификация представителей государственной власти, любимые люди);
3. БВВ человека, совокупность представлений о людях, человеке, здесь же собственное самосознание (человек, человечество, нечеловек);
4. БВВ социума, вся совокупность представлений о социальном устройстве, обществе (пространство, территория, государство, право, технологии, производство, исторические события, поведение, продукты человеческой деятельности, быт и прочее);
5. БВВ о возможностях человека (предполагаемое для отдельного человека и для человечества в целом);

6. БВВ вещей, не связанных с деятельностью человека, человеком (природа, мир материального);

7. БВВ неизвестного (творчество, *понятия для «латания» дыр разума* – любовь, Бог, смерть, вера, символизм, и прочее).

Объемные

1. БВВ, рожденное вне конкретного человека, от него независящее, распространенное на всей территории социума в неопределенно широком круге носителей (общественное БВВ);

2. БВВ индивидуального плана, непосредственно связанное со своим носителем;

Динамичные

1. БВВ, реализованное в действительность, воспринятое по результату.

2. Нереализованное БВВ (планы, намерения, мечты, нереализованные программы и прочее).

3. БВВ, пребывающее в процессе реализации.

Расширив круг примеров, подведя практическое обоснование, детализируя основания классификации, выявляя формы организации и переходов одного БВВ в другое, генезис, стадии завершенности и так далее, со временем и при определенной усидчивости, можно создать полноценную картину мира.

Разум, иногда как конструктор, но как это отразится на мире? Это расширит бытие в возможности определенного вида, но вряд ли преобразует представления о мире персонифицированного круга лиц, вряд ли это сдвинет землю. Наконец, это не объяснит *благодаря чему* возможны такие явления, как: вера, Бог, любовь, отвага, ложь, гений, шизофрения, наркомания, власть и так далее; да и вообще, каким образом преобразовывается социум. Картина получится несколько ущербной, схематизированной и ретроспективной, хоть и универсальной. *Мир как мысль остается мыслью.*

Следует быть осторожным в области игр Разума. Людология оперирует так же другой категорией, не менее значимой, чем бытие в возможности. Это *бытие в действительности*. В тексте сокращенно обозначается как «БВД» в формулах латинским «D». В самом простом определении бытие в действительности – все то, что может быть воспринято, опосредовано чувствами человека. Мир, заданный в чувственных перцепциях. Формулировка была введена Стагиритом («актуально сущее»). Центральная категория для материалистов, сенсуалистов. В различных системах обретает совершенно различные названия, начиная от материи и, заканчивая субстратом познания. Для формирования представления о БВД нет необходимости прибегать к умозрительным экспериментам, каждый ежесекундно самоуверяется в его существовании. Следует помнить только, что бытие в действительности изначально ограничено чувственной перцепцией.

Мысли противопоставлена область действительного, действительному – область идеального. В области мысли есть то, что никогда не обнаружит себя в действительном, в области действительного есть то, что еще не опосредовано мыслью, появляется то, что расширяет область мысли. БВВ и БВД – две противоположности относительно самое себя. Но мысль не существует вне действительного (человек, носители БВВ), а действительное не существует вне мысли. Для индивидуума – то, о чем он не знает для него не существует, пока он с этим не столкнется (основа власти государства), в предельности: за кругом человека, за кругом названного существует только знание о незнании, о возможности знания (но и бесконечность мы мыслим со стенками).

Вопрос о бытийности с точки зрения идеального и реального лежит в основе материалистического и идеалистического направлений философии. Не будем углубляться в историю данного вопроса.

Людология оперирует понятием *парадигма бытия*. Это ячейка бытия, своего рода атом социума. Мысль не существует вне бытия, а бытие вне мысли. Соотношение идеального и реального в том или ином явлении, в соотношении к другому миру – вот функциональное назначение данной конструкции.

Парадигма бытия включает в себя два базисных структурных элемента: бытие в возможности и бытие в действительности (**БВВ – БВД; V – D**). Весьма сложно определить что – то вне парадигмы бытия, во всем к чему мы обращаемся в той или иной степени наличествует именно реальное и идеальное, но никогда только одно идеальное (никогда и ни в какой форме нереализовываемое в действительном, чувственном, либо только чувственное, не схваченное никогда и нигде мыслью). Парадигма бытия – предельность организации мира человека. Любое явление – совокупность различных форм парадигм (по сочетанию БВВ – БВД), с различными связями, и структурной организацией, но анализ, *предельный анализ*, приводит нас к простейшему – парадигме бытия (обозначается **ПБ**).

Все это очень не ново.

Не нова и следующая мысль, но действенна. Основа методологии людологии – понимание *игры как связующего звена между бытием в возможности и бытием в действительности*. Изменяя правилу успешности, отложим доказательство этого тезиса *на потом* (хулиганить в тексте – одна из привилегий автора).

Изменится ли классификация мира, если не только мысль будет формой и основанием познания?

Основа 4

Удобство античности. Как много мы потеряли вместе с развитием. Какой вред научно – технического прогресса на фоне Великих французских методологов, следующих методологии античности (человек как ключ познания)! Измеряя мир человеком, а человека Богом можно было себя не ограничивать, а главное – система мира была гармоничной человеку. По – моему, единственно удобный тип методологии за историю человечества. Методология, изменяющая мир, должна быть кратна самому методологу, при том, что последний представлен неперсонифицированным кругом лиц (основа победы христианства). Революция – дело каждого. Пусть это и мнимая форма деятельного участия, не соответствующая первичным формам организации материи, но она в результате своего применения рождает участие каждого в построении нового мира. Метод должен быть доступным каждому в сущности своей организации. Для этого он должен иметь то чувственное основание, бытие которого позволяет удостовериться в рамках перцепции в бытийности возможного.

Все в мире действительного противостоит возможному, выталкивает его из самое себя с целью изменчивости; все, где есть человеческое в каком – то отношении противостоит самое себя, убегает от себя. Мир как вечная арена агона чувственного и внечувственного. Разобравшись и уяснив это себе до конца, до самой предельности чувствования, невольно становишься последователем Горгия и именно с этим, наверное, следует связывать годы затишья в творческом любого субъекта активного познания. Жить в ритме мироздания можно только умирая.

Как ни грустна философия чувствования этого мира, и как не хотели все мы сбежать от него, этого основания достаточности, избежать его в полноценной методологии нельзя.

Любое его излишество позволит нам выдвинуть еще одну абстракцию в качестве меры познания (например, человек; чем не достаточное основание для познания и чем не удобный метод?), исключая все идеальное, иллюзорное в рассуждении, и тем умножая его в рамках применения социальной инженерии. Но если бы все было действительно так просто, как хотелось бы.

Человек как единственная система, приближенная к управляемости самое себя, может оказать неоценимую услугу нам в области методологии, но нам рано еще за него браться, пока неясен наш метод.

Обратимся все же к понятию бытие в действительности. Когда Стагирит говорил о нем, то описал его полнее и четче, чем возможность, уже этим определив его первое качество – доступность. Действительность нам доступна. Каждую секунду она с нами, эта вечная заданность ощущений, материал, сырье для форм и конструкций. Бытие в действительности. Сам язык чувствует себя спокойнее, в действительности... как предельность бытия, нечто конечное и точное, уверенное в самом себе и в своем существовании. Здесь пролегал очень тонкий момент, введивший в заблуждение тысячи светлых умов – уметь видеть причину и следствие. Следствие только потому и позволяет говорить о себе как о следствии, что оно содержит в себе причинность, то остаточное, что было изначально всего лишь «возможностью». Бытие в действительности это следствие, оно содержит в себе необходимую меру идеального, возможного, свидетельствующего о сущности явления. И мы принимаем это за элемент действительного, пренебрегая возможностью, не связывая с ней *бытийность*. Так рождаются заблуждения мира, так рождается наша цивилизация. Атрибутивность. С учетом того, что области мышления, (с которой мы так упорно заигрываем) не более 3 – х тысяч лет, а эпоха формообразования социальной материи раз в десять, как минимум, больше, – это естественно. Мы еще не научились видеть структуру явления, мы как дети принимаем его таким, как оно есть, не интересуясь основами организации. Иногда правда и рождается кто – нибудь, кто обратит наше внимание на удивительность мироздания и внушит нам страх его потерять (Ортега – и – Гассет один

из них), но не более того. Впрочем, Стагирит был прав: философия начинается с удивления. Веруя в то, что наша методология предназначена не для особого игрового поля бытия значения, именуемого «научным знанием», но для каждого, кто есть возможность бытия отдельного мира значения, полярность воспринимаемого в чужих схемах и суждениях, я вынужден надеяться на понимание моих лирических отступлений. Любое исследование в этой области есть эксперимент, замкнутыми полями которого являются два сознания – пишущего и читающего. Достоверность знания сущности обретается на взаимосвязанных полях, где согласованность истины есть условие ее рождения. Первейшими азами таких полей является понимание сущности увязки бытия в возможности и в действительности. Представление их таким образом, чтобы не складывалось лишнего описательного представления о доминирующем начале одного над другим, дополненности или важности. Это и есть то, что мы привыкли именовать бытием, экзистенцией. В зависимости от позиции познающего зависит степень познаваемости объема либо возможного, либо действительного в предмете познания, но само бытие от этого не теряет в удельном весе ни самой возможности, ни действительности. *Равновесность идеального и реального – основа бытия в этом мире.* Есть ряд позиций, при которых нет ничего действительного в познаваемом и наоборот идеального; но само бытие предметов от этого не изменяется. И от того насколько явление вообще доступно и задано в области чувственного для познания и в каком отношении оно может быть познаваемо в области возможного зависит классификация этого мира и само мировидение. Умение различать и классифицировать мир подобным образом – есть первое условие для структурирования взаимоотношений с последним.

И наоборот, можно, не проявляя способности к познанию, оставаться в предмете познания, являясь материалом для познания. Кант был, как никогда прав, утверждая, что мир зависит от активности субъекта познания. Предлагая новую модель мира мы предлагаем новое познание, по отношению к которому остаток мира есть пассивность умирающего, познающий же как *Ното повус*, должен стать залогом и фундаментом нового мира.

Бытие в действительности как мир объектов заданных в области чувственного познания. Поскольку речь идет о познании, то следует подразумевать все то, бытие в возможности которого познаваемо через ряд чувственных перцепций. Там, где ощущение преобразовывается в чувственное начало, в то, что может быть нами идентифицировано – мы можем говорить о бытии в действительном. Неистолковываемое в лично индивидуальном плане может быть уже опосредовано общественным и здесь так же следует различать субъективное и общественное бытие в действительности. Общественное чувствование возможно исключительно при реализации общественного бытия в возможности в рамках специфики алгоритма структурирования социальной материи личностью.

Ничто из области действительного не существует вне отношений познания. Все идеальное обретает себя в области действительного, выражаясь по Стагириту *возможность с необходимостью реализуется в действительность*. В части вопросов а priori следует отметить, что жизнь не зеркальна (во многом это цель отдельных социальных институтов, например, власть) форма реализации может быть весьма интересна. Например, раньше Бога так сильно ждали, что пришлось заменить его реализацию в действительности в... форму чувствования, которая и стала формой его воплощения.

Тоже и с расстоянием, движением небесных тел и прочими внечувственными идеальными первично – заданными формами. Смена отношений идеального к чувственному – простая задача алгоритма приведения идеального к реальному, в итоге цель сочетания одна, это структурирование чувственного – правоты и уверенности. Неудивительно, что сегодня мы уверены в том, что солнце не ходит вокруг земли, как и неудивительно то, что сначала тотем солнца был заменен понятием Бога, он представлением о движении солнца и затем более удобными представлениями современного. Это неважно. В области взаимодействия с внечувствен-

ным это неважно. Там, где нет непосредственной верификации, там, где в парадигме бытие в возможности представлено сложными конструкциями, чувственная верификация невозможна. Это то свойство организации человека, которое сотворило нашу цивилизацию, наше время, нас. И первое, с чем из данной области столкнулся человек – понятие времени, смерти, судьбы, конечности своего бытия. Невозможность отгадать и предугадать самое себя при опознавании ценности самого себя (вот оно общественное бытие в возможности) – причина бытия человека сегодня.

Основа 5

Свойство парадигмы бытия (ПБ) в равновесности идеального и реального. Бытие в действительности является воплощением возможности. При этом нам могут возразить, что возможность изначально объемнее действительного (ибо процесс реализации снимает изначально полярные варианты структурирования), но это элемент анализа в целостности процесса, начиная от генезиса бытия в возможности (вообще ли или же в рамках отдельно взятого человека, персонифицируемого бытием в возможности). Бытие же характеризуется тем, что оно не связано с процессом своего создания и существует для всех. Так, мысли и намерения не могут быть бытием, это бытие в возможности, и оно существует только относительно своего носителя, он и составляет бытие в действительности относительно своего бытия в возможности (именно благодаря этому образ мыслей определяет образ человека, в том числе и физиогномику), но парадигмой бытия, то есть самим бытием, это станет только тогда, когда произойдет реализация, и данное бытие в возможности воплотится в чувственной оболочке (будь – то либо простая речь, либо действие, книга, и прочее). Только тогда можно говорить о создании бытия и атрибутике экзистенции бытия в возможности. Таким образом, бытие *в общественном плане* может существовать исключительно как парадигма бытия. Это согласно, как природе человека (животное общественное), так и форме организации общественного (общество безлико, это не субъект, а поле для существования продуктов реализации масс, все, с чем мы имеем дело – плод деятельности индивидуумов, различаемых по определенной степени алеантности). Многие правители, восходя к высотам власти публичной, до сих пор не осознают разрушительно – созидательную способность индивидуума. Если государство и может пасть, то первое от чего это случится – индивидуальность человека.

Бытие (парадигма бытия) может быть представлено как:

1. Парадигмы, бытие в действительности которых сведено к формам чувствования носителя бытия в возможности. Классический пример – творческая личность, которая творит схему мира, но известна она только своему творцу. Должны пройти многочисленные этапы (доведение до персонифицированного круга лиц, система корреспондирования, система снятия противоречий и прочее). Преступник, тот же творческий человек, лишенный творческого начала (за редким исключением). Душевнобольные – это вообще форма уникального бытия в возможности, воплощаемого в таком же уникальном чувствовании окружающего.

2. Парадигма, где реализация бытия в возможности и в действительности носит строго индивидуальный характер, за исключением методов реализации (воплощения). Так, например, бытие в возможности личного плана может быть переведено в реальность, но при этом оставаться понятным и опознаваемым исключительно только для своего создателя (помимо того БВВ, содержание которого усматривается из методов структурирования БВД). При этом познание и восприятие парадигмы не будет возможным до тех пор, пока из самого БВД парадигмы нельзя будет извлечь содержания ее БВД, а в комплексе понимать и воспроизводить весь цикл структурирования бытия (гениальность потому и гениальность, что она неповторима). Другой менее прозаичный пример – это формирование организованной преступности в 20 веке, смена государственных режимов, операции спецслужб.

3. Парадигма, в которой бытие в действительности полностью лишено какого – либо бытия в возможности (предметность, вещьность этого мира), за исключением того БВВ, которое было алгоритмом его создания (технология) и того БВВ, которое принято именовать функциональностью (функция в области каких – либо отношений, например, оружие и война). Следует отметить, что это же в полной мере относится и к навыкам.

4. Бытие в действительности известно только одному носителю. Это основание бытия власти. Как правило, такая ситуация возникает у руководства. При этом каждый из тех, кто

направляет свои усилия на реализацию БВВ в бытие в действительности не представляет себе цель, либо представляет ее себе в усеченном виде, но сумма данных результатов (достигнутых на каждом конкретном участке в итоге есть бытие в действительности известное и возможно используемое только тем, кто осуществляет контроль и обеспечение деятельности).

5. Ошибочно личное бытие в действительности. Это та область парадигм, в которых люди принимают получаемые чувственные результаты, принимая их за свои собственные (область чувственного всегда лично переживаема, даже в том случае, если это актерская игра). Данный критерий классификации возможен именно благодаря пониманию общественного как суммы достижений индивидуальности и поэтому весьма важен в анализе способности той или иной группы индивидуумов (а иногда и народов) воспроизвести что – либо уникальное и приспособленное к выживанию во временном, пространственно – субъектном континууме.

Дальнейшая классификация видов парадигм в настоящий момент преждевременна. Но это самые общие их типы, которые можно выделить в первом приближении к решению данного вопроса.

Разделять мир не по признакам постфактического прочувствования и переживания, на базе интуитивного анализа реального, а на основе проникновения в сущность организации социальной материи – вот задача людолога. Методология людологии упрощает последнюю, вводя в оборот (а точнее заимствуя все у того же Стагирита) учение о 4 – х причинах бытия, располагая их в парадигме определенным образом.

Основа 6

Повторимся, в условиях современного общественного развития необходимо формирование такого познания, которое связывало бы воедино противоречия, возникающие в ходе осуществления реализации изолированных форм бытия в возможности, замкнутых на определенные формы бытия.

Тот факт, что мы до сих пор переоцениваем волю человека и приписываем волевому содержанию действия определяющее значение в смысловой нагрузке самого действия, необходимо изолирует каждого человека в среде реализации бытия в возможности относительно чувственного мира, заставляя воспринимать само по себе БВВ через результаты реализации чувственных перцепций. Поскольку сама по себе реализация любого БВВ относительно законченной энтелехии несет в себе потерю самого содержания при участии сознательного элемента (исключение составляет символизм), то у субъекта реализации формируется осадок нереализуемых ожиданий чувственного, по принципу зеркального отражения, как в случае, когда сталкиваешься с ситуацией, которой никак не ожидал. Но, если последнее опять же проходит сквозь форму сознательного восприятия, то формирование осадка «непрочувственности» (назовем его так) происходит за пределами осознания и уходит глубоко вглубь, формируя у субъекта определенный порог чувственного отношения вообще, закладывая основы характера реагирования на участие в той или иной парадигме. Это отражается на качественном уровне реализации, на отношении к формальной причине парадигмы. В итоге это окрашивает человека таким образом, что позволяет его классифицировать по типу реагирования на определенные цикличные ситуации. Последние в свою очередь определялись всецело предметной стороной энтелехии и в период доиндустриального общества проявляли себя в степени достаточной для индивидуализации совокупности тех или иных парадигм по принципу определения последней через структурирующее начало (игру). В современном мире, когда различия нивелируются в связи с тем, что все большее количество людей включено в процесс не приспособления к среде, а преобразования среды, при единстве производства труда (элементы коллективного унифицированного приобщения), акценты индивидуализма смещены в область сознания, в область познания. Если раньше каждая народность, изолированная либо расстоянием, либо враждебностью соседа, ярко отражала в своем быте собственность исключительности БВВ (энтелехия в отрыве от конкретного субъекта и временного анализа), что позволяло по внешним атрибутам человека судить о том в какие парадигмы он включен и уже отсюда прогнозировать его пороги восприятия того или иного содержания бытия в возможности, то сегодня это практически невозможно, за исключением случаев, когда речь идет о субъекте, который является материальной стороной символизма и сам участвует в парадигме перцепции в отношении познающего. Таково, например, расовое восприятие.

Все меньше в современном человеке, и не только во внешнем облике, остается автоматизированного по своей реализации восприятия бытия в возможности. Все большая изоляция привела к терпимости по отношению к представлениям других конфессий, взглядов и т. д. Это в свою очередь лишило заинтересованности в противопоставлении себя тем, кто не несет в себе взгляды подобные взглядам противопоставляющегося. На данном стыке вырабатываются пограничные формы бытия в возможности, которые отличаются устойчивостью к формам участия кого угодно. Появляются, соответственно, и те, кто реализует в рамках самое себя только такое содержание БВВ (космополиты, нигилисты, либералы и т.д.).

В итоге мир чувственного индивидуума, его собственное мироощущение, подкрепленное опытом и формой апробации, все то, на основе чего он может принимать решения в рамках системы «истина – ложь» становится его единственным критерием поведения и основой принятия решений в отношении всего того круга вопросов, с которыми ему приходится стал-

киваться во временном континууме, что приводит к еще большей изоляции того БВВ, которым он обладает в силу включенности в те или иные парадигмы.

Итогом является то, что индивидuum даже не пытается донести свое внутренне содержание, именно то, что обеспечивает принятие, по его мнению, истинных решений до окружающих. Более того, данная основа вообще выводится из социально – активной общественной формы существования, начиная восприниматься субъектом как глубоко личное и потому сокровенное. Рождается понятие души, и индивидуальности. При этом удивительным бывает то, что содержание это является зеркальной формой клишированности общественного и поэтому вплоть до тайного, потаенного в части реализации совпадает с тем, что имеется и у ряда других таких же, как он. В общественном бытии это проявляется в таких ситуациях, когда достаточно большая общность людей связана единым бытием в рамках достаточного продолжительного времени, при этом каждый из них лишен возможности внешнего проявления своей индивидуальности в предметной деятельности (армия, тюрьма и прочее). В таких условиях люди обнаруживают в процессе общения по душам родственную близость и сходство, хотя в обычной жизни они заняты абсолютно разными формами трудовой деятельности, и не имеют ничего общего кроме страны пребывания и стандарта общих взаимоувязанных для понимания понятий (место жительства, представления о законе и так далее).

То же можно отметить в отношении ситуаций сплоченности перед лицом опасности.

Ранее любой из указанных факторов был предметом объяснения причинности данного явления.

К сегодняшнему моменту истории каждая группа, каждый человек в той или иной степени персонифицированный в данном круге парадигм, уже имеет такое количество бытия в возможности по своему содержанию, что какое – либо основание к сплоченности помимо вышеназванных уже невозможно в силу объема содержания бытия в возможности, носителем которого он является. С другой стороны, существуют различные группы людей, потенциальное восприятие которых таково, что они не в силах даже приблизиться к уровню содержания бытия в возможности, включенного в парадигмы реализации той или иной группы субъектов.

Буфером по – прежнему остаются формы игр, парадигмы которых завершаются в рамках самой игры (совпадение формальной и материальной причины в континууме). Все большую популярность приобретают такие формы единого бытия как «дружба на час», увеселительные времяпрепровождения и прочее.

Люди перестают воспринимать себе подобного как подобного в рамках организации психической и прочих систем, подчеркивая свою индивидуальность *общественностью своего поведения*, общественной приемлемостью данного поведения. Все большее значение придается внешней атрибутике, ориентированной именно на общественное признание, а не на группу индивидуальностей, как раньше. Соответственно, приоритеты получают высоко ликвидные материальные ценности, которые не несут в себе смысловой нагрузки, не включены в предметную сторону энтелехии индивидуальности.

Сама цикличность парадигм, обеспечивающая каждому ту или иную социальную приемлемость, не оценивается с точки зрения единой целостности и заданности общественного развития, современное общество потеряло единую направленность. Если ранее, например, такой оборот как «Богоугодное дело» прежде всего отражал то, что все общественное все то, что было под властью общественного, было подчинено церкви, выражавшей интересы Бога, то сегодня этот оборот, как и многие другие смещен в область оборота речи, свидетельствующего о моральной оценке, не более.

Во многом отсюда мифологические представления о государстве и государственном, которые, однако, на сегодняшний момент по своим функциям сведены к обеспечению государством существования всех форм конгломератов парадигм, лишь бы существование в одно и то же время различного рода конгломератов парадигм не означало острого конфликта

последних. Данная позиция государства всего лишь копит общественные противоречия, которые являются неизбежным следствием роста информационных технологий, и без того раздувающих творческое начало человеческого. Отсюда при унифицированности общественного в рамках преодоления изолированности, полное разнообразие индивидуалистических мироощущений и миропониманий. Прав каждый, кто смог высказаться относительно своей правоты в публичном порядке. Естественно, что это должно, по идеи, привести в движение механизмы отсеивания, выработанные практикой естественного отбора. Но и этого не происходит в силу того, что современность провозгласила идеи гуманизма и терпимости к различного рода проявлениям человеческого духа. Сегодня многое из того, что несовместимо, существует в одном и том же временном континууме, занимая условное однородное место в пространстве.

Данные постулаты современного общества ко всему прочему так же еще и медиатизируются как положительные и приемлемые, стимулируются как форма отношения, обеспечивающая полноценную реализацию бытия в возможности любого качества и содержания в области действительного.

При этом внешняя терпимость компенсируется индивидуальной изолированностью каждого. Именно поэтому традиции и правила, которые веками зависели от индивидуальной воли одного человека, в рамках реализации одноактового действия, не связанного с внешним контролем (например, гостеприимство как традиция), перестали существовать вовсе.

Современный человек – это человек вечных страхов и катастроф, это уже не часть мира и тем более вселенной. Если ранее утрата данной связи компенсировалась религиозностью, которая в той или иной степени своих представлений о Боге являлась формой буфера, связующего человека и вселенную, то сегодня человек отделен от универсального самосознания стеной научности, требующей специальных навыков и техники познания, приобретаемой опять же в рамках отдельного конгломерат парадигм (обучение).

При таких обстоятельствах человек одинок в возможности своего собственного познания, но в то же время ему в области действительного предоставляются обществом все доказательства могущества и правильности избранной формы организации социальной материи.

В итоге углубление человека в себя, приводит к тому, что и те навыки и способы организации социальной материи, которые он вырабатывает с течением времени так же не получают должной формы корреспондирования, что приводит к утрате связи и преемственности поколений. Появляются существенные различия в области применения одних и тех норм социального общежития, оценки тех или иных форм реального.

Некоторые области это чувствуют заметнее других (например, сфера юриспруденции).

Таким образом, мир сейчас полностью разобщен и десистематизирован с точки зрения структуры БВВ, но при этом создано мета – общее БВВ для форм бытия в действительности данного разобщенного мира. Противоречия в области действительного, как они есть, структурируются как приемлемая форма организации социума, при этом допускается все.

В таком виде система самоотрицает себя, так как перестает быть той формой организации, в которой каждый элемент зависит от другого элемента в одинаковой степени и представляет собой необходимое для всей системы в целом.

Появляется новая система, которая только тем и занята, что обеспечивает существование мира в отсутствии системы мира. Это переговоры, вечное компромиссное решение, вечная пропаганда и латание дыр.

Человека включают в игры самого различного порядка. Он следит за экономическими курсами, за политической обстановкой и прочее, при этом зачастую бывает неспособен объяснить само происхождение этих слов и их этимологию.

Государства – реформаторы ищут вечного пути развития и придумывают способы удерживать экономическую обстановку в том или ином русле и т. д. и т. п. Все это заставляет индивидуума все больше и больше удаляться от окружающего в области, как действительного, так

и возможного. С той лишь разницей, что в области бытия есть механизм, а в области мысли есть только последствия реализации механизмов, сформированных областью действительного.

Соответственно, создание такой формы познания, которая смогла бы обеспечивать информационный обмен не только на уровне способов построения самого общения по принципу структурирования типов и методов (язык), но и на уровне передачи полных объемов бытия в возможности, позволит устранить наложения мета – представлений о мире как в области представлений о едином объекте, так и по кругу субъектов (вплоть до устранения противоречий национального характера).

В принципе, это и является задачей такой методологии как людология.

Основа 7

Мир человека выраженный в формулах удобен и прост. Открытие формулы атома социума (парадигмы бытия) сравнимо с изобретением букв. Нам предстоит еще вычленить законы этой новой письменности и научиться читать ее, но в общем задача ясна – построить модифицированность мира.

Бытие, существующее именно в парадигме, – просто по своему пониманию и утрачивает метафизическую свойственность маленького звена в общей цепи Мира. Человеку свойственно верить в то, что помимо его бытия существует нечто, не связанное с ним, но с одинаковой необходимостью довлеющее над ходом обстоятельств (Бог, справедливость, государство, судьба и пр.). Общая подчиненность мифу Идеи гармоничности и разумности заставляет человека не видеть того, что находится рядом с ним как ключ к познанию мироздания, мира и главное самое себя.

Ничего нет из области данных представлений, они порок и вранье свойственности конструкта человеческого. Это излишки бытия как человека. Ни одно бытие не существует вне перцепции человека, человек везде есть движущая причина бытия, даже в том случае, если парадигма сводится к односторонней перцепции предметов (основа популярности гуманизма).

Почему же мы говорим об игре? Именно об игре и почему данную методологию, уходящую в истоки зарождения Западного типа рассуждения, мы связываем с игрой. Игра это то, что отвечает за различие, она есть то, что организует материю в форму настолько точно и уверенно, что невозможно воссоздать рецептуру вербальным образом, только включившись в сам процесс реализации БВВ в БВД. Заочность жизни невозможна. Формообразуется не только идеальное в реальном, но и сама движущая причина и целевая и все преобразовывается в рамках игрового начала. В области человеческого все возможно, если это поддерживаемо не только одним человеком. Возможность волевого преобразования социума, открытая с эпохой революций, еще не до конца осознанна как свойственность человеческого. Мы еще не осознаем свое время как плод деятельности демиургов. С ужасом я иногда понимаю, что грозит нам именно сегодня, при таких возможностях индивидуальности, никогда еще человек не был так всемогущ в области собственности определения судьбы. Слава Богу, что пока еще действуют механизмы стадности и инертности общественного, ужесточенные и усиленные репрессивностью аппарата государственного принуждения.

Основа 8

Людологическая формула состоит из последовательной связи ячеек (парадигм бытия). Формулы делятся на множество подвидов, но все они с успехом могут быть классифицированы.

Простой вид: $V - D = D1$. Это означает, что при реализации бытия в возможности (V) в действительность (D) формируется самостоятельное бытие (D1). Пример: субъект пишет слово «мрамор» это и есть связка $V - D$, где бытие в возможности (представление о том, что есть мрамор, как пишется это слово) переходит в действительность (ручка, перо, чернила, движение ручки по бумаге), в тот момент, когда это слово дописано, бытие в возможности реализовано в действительность, но еще неразрывно связано с процессом осуществления (написания), а тот момент, когда перо оторвано от бумаги это уже *ставшее*, самостоятельное конкретное бытие в действительности, отделенное от своего осуществления (D1), переведенное из общего в частное. *Пока есть становление — нет ставшего, когда есть ставшее нет становления.* С момента своей реализации бытие сохраняет в себе *бытие в возможности* лишь в той мере, в какой оно было задействовано в парадигме реализации. Бытие представлено оторванным от своего идеального содержания, но увязано с ним в своем генезисе. И сам генезис может быть повторен множество раз, это ключ к формированию социального, а бытие, порожденное парадигмой – представлено в рамках «здесь и сейчас» и является единичным, индивидуализированным. Поэтому мир представлен как совокупность продуктов реализации, процессов реализации и носителей БВВ, стремящегося к своей реализации. Любое БВВ стремится к воплощению в чувственном, стремится быть парадигмой.

Людология потому называется людологией, что процесс воплощения в действительность возможности связывается с игрой. То, благодаря чему материя (бытие в возможности), это нестабильное противоположное самое себе начало, нечто кипящее и бурлящее, переводится в канонизированность и унифицированность чувственного. Именно благодаря этому животному началу (игре), тому, что мы одинаковы в предельности чувствуемого, мы можем различаться в области возможного. То животное, присущее всем без исключения организмам, наделенным нервной системой и то, что мы называем игрой, позволяет индивидууму организовывать в отношении себя мир, и наоборот, мир организовывается в отношении человека так же благодаря игре. Для детей этот тезис не требует доказывания, для мира взрослого (если вообще уместно использование данного понятия в области суждения о субъекте познания) он открывается в самых тяжелых и самых высших проявлениях того, что именуется жизнью.

К такому выводу приходишь с необходимостью, когда анализируешь структурирование бытия в социуме. Любой процесс реализации с точки зрения первичности для субъекта реализации (если он не предметная сторона энтелехии) является игровым. Легкость и азартность, напряжение игры *спадают в зависимости от количества повторов в реализации.* Но если что – то радуется постоянно, то следует говорить о том, что попалась та связка, та парадигма бытия, которая в достаточной степени уравновешена в отношении бытия в возможности к действительности. С этой точки зрения знание меры действительно одно из самых важных знаний в мире.

Чем стабильнее переход возможности в действительность (энтелехия), тем менее этот переход становится игрой. Игры в чистом виде составляют невероятно низкий процент от общего количества переходов возможности в действительность. В этом прелесть организации общества. Там, где есть изменение, там, где есть вообще изменчивость всегда обнаруживается игра. Игры выступают как то, что противостоит в переходе обычности, как относительно самого субъекта познания, так и относительно содержательного в переходе. Именно поэтому лукавство, обманность присущи игре. Это всегда переход, сопряженный с ожиданием принятия или непринятия результата реализации. Если попытаться лишить энтелехию этого

элемента, то переход будет обречен на провал, так как он теряет свое целевое предназначение. Изолированное бытие в социуме невозможно. *Любая парадигма увязана с остальными таким образом, что каждый ее элемент может быть в той или иной степени доступен и воспроизведен.* Количественный критерий здесь является так же и качественным, ибо именно от популярности той или иной структуры парадигм зависит ее качественная характеристика (общественное, личное, индивидуальное, внеличное и прочее).

Именно благодаря этому алеантность (alea – игральная кость), напряженность, перехода возможности в действительность *убывает в зависимости от количества переходов возможного в действительное.* Игра имманентна переходу. Первичный переход – всегда игра. Но когда неразрешимые противоречия «возможности» сняты, когда заранее известен результат, или же существует некоторая уверенность, что исполнение определенных условий с необходимостью приведет к определенному результату, появляется то, что именуется деятельностью (и первая ее форма – ритуал). И это уже не связано с игрою, это уже алгоритм, трудовая функция и прочее. Именно это отличает молодежь от старости, любителя от профессионала, любовь от секса, жизнь от смерти.

Старинная поговорка гласит – похороны бываю только один раз – поэтому они должны быть торжественными.

В чем же необходимость людологической методологии? Прежде всего, она позволяет по – новому относиться к миру. Не как к чему – то данному и закрепленному раз и навсегда, а как к полю значений, видоизменение которых естественно и необходимо. Она позволяет узреть существование общих понятий, провести черту между их реальной реализацией и организацией прикрытия других парадигм (своего рода химический анализ). Людология необходима каждому, кто желает отличать золото бытия от примитивных подделок. Поэтому быть людологом – это, прежде всего, представлять себе устройство мира, как корзину потребителя в супермаркете – выбираешь то, что тебе нравится, зная где и что находится. Людология отнюдь не пропагандирует отстраненный *modus vivendi*, как это делали философы, наоборот принцип *ludo ergo sum* является здесь главенствующим. Человек там становится самостоятельным, где он понимает что играет; как говорил Карл Ясперс, человек отличается от животного тем, что знает о своем существовании. Управлять жизнью можно только в том случае, если понимаешь ее игровую основу, степень ее детализированности в той или иной игре.

Это и есть социальная нагрузка людологии – возможность управления миром в той части, в какой он тебе сопоставлен и касается тебя. В сущности, любая конструкция теории, доведенная в своей объемности до предельных основ бытия никогда не предполагала практической верификации и возможности структурирования самое себя силами субъектов, осуществляющих перцепцию данной теории. Людология, предоставляя общий алгоритм мира, предполагает для каждого право структурировать свою жизнь таким образом, чтобы она была уникальным продуктом осознанного планирования бытия, шедевром индивидуального.

Основа 9

Ярчайшей характеристикой бытия в возможности является его противоречивость. Бытие в возможности в том виде, как его характеризовал Стагирит, отличается тем, что в возможности противоречия кажутся одинаково истинными. И только в области реализации в действительное они снимаются. Следует отметить, что эта характеристика возможности в ее абсолютном содержании носит безусловно априорный характер. То есть имеется в виду та ситуация бытия в возможности, когда субъект бытия в возможности ранее не сталкивался с подобным. Имеется в виду либо личная область опыта (например, мысли о женщине: полюбит – не полюбит, мысли о поединке: выиграю не выиграю, судебный процесс: осудят – не осудят и пр.), либо проблема внечувственного плана, отличающаяся высокой степенью абстракции (например, мысли о Боге: поможет – не поможет, мысль об общих недостижимых формах социального бытия, но точно существующих в области единого временного континуума). Это наиболее простые формы, которые можно назвать *полярными противоречиями экзистенциального плана*. Именно их имел в виду Стагирит, когда говорил о том, что в одном и том же месте, в одно и то же время не могут существовать две вещи взаимоисключающие друг друга. Здесь бытие в возможности непосредственно связано с человеком как с субъектом, элементом движущей причины парадигмы бытия. Именно благодаря ему и для него имеет значение качественность бытия в действительности. Движущая причина имеет определенное целеполагание, которое именно ею и определяется, поскольку сама целевая причина (бытие в возможности) уже самоценна и конечной целью здесь выступает именно реализация в действительность.

Естественность мира организована намного сложнее. Как мы уже отмечали, все в мире человека есть продукт опосредованности мыслью, человек существует лишь в той области, где он может мыслить, осознавать, корреспондировать мысль. *Мир человека – это мир опредмеченных мыслей*. Даже самое невыразимое находит свое воплощение (ритуальность для божественного, смерти, любви), которое позволяет констатировать экзистенции. Существует так же целый комплекс несуществующего, то есть та область бытия человека, которая неподвластна мысли и потому отрицается как не – существующее в действительном.

Бытие в возможности как неотъемлемый элемент экзистенции обнаруживает самое себя в любой перцепции, иногда ограничиваясь самой чувственной перцепцией (знание, познание), а иногда требуя долгих лет жизни для приобщения к самому себе. Но везде, где мы имеем дело с возможностью до процесса ее реализации, мы констатируем наличие противоречий, реализация каждого из которых представляется истинным. Исключение составляет то бытие в возможности, которое обслуживает социальные процессы, представляющие результат снятия противоречий, все общественное в человеке, что ранее было уже апробировано предшественниками, от родителей до тысяч поколений политиков и военных. Обезличенное БВВ, составляющее основание для бытия общества, государства. Для художника, для того, кто относится к миру как к полю реализации самого себя и не более, это верно, ибо его творческий инстинкт так организован, чтобы выталкивать все общественное из своей жизни, оставляя от последней одни лишь приятные воспоминания. Это прекрасная стена, преодолевать которую искусственно не стоит. Чем выше алеантность в жизни человека, тем он индивидуальнее. И пускай он проживает общественными ценностями, пускай он пустышка, по пути которого не пойдут миллионы, но зато он красиво играет партитуру, что уже есть шедевр. И двух зрителей – самого себя и Бога, здесь вполне достаточно...

Еще придет время и мы по – новому, с нескрываемой благодарностью всмотримся в феномен Гитлера и Сталина, как в Цезаря и Македонского... кто помнит сейчас стенания перегринов? Шелуха истории спадет. Сейчас важно то, что наше время, время человека публичного, а не просто общественного предоставило возможность творить такие формы соци-

альной организации, которые не снились никаким философам. В отсутствие каких – либо фундаментальных оснований возможно построение целых форм нового мира, их реализация в чудовищных масштабах – вот она сила хорошо организованного бытия в возможности. Оставаться сегодня в неведении вопросов структурирования социальной материи – это значит обречь сторонников Гитлера и Сталина – на успех, на безусловный абсолютный успех. Именно они не уяснили, не структурировали, но почувствовали эту возможность – видоизменить человека, род людской. И пока это имеет убогую форму выражения в виде PR, полит – технологий и прочего. Но стоит появиться такому, как Платон и судьбы миллиардов будущих людей будут решены чисто по платоновски – правители, стражники, торговцы, рабы. А все эти смехотворные переходные элементы в виде идей Великих французских просветителей будут обозначены не иначе как «периодом, в котором была доказана наилучшая из форм организации социума».

Пусть простит меня читатель за надоедливость, но мне постоянно кажется, что не скажи я этого сейчас и целесообразность написания работы вообще будет потеряна. Сухость формулы хороша для знающего, но ужасно слышать это от того, кто вообще не верит в познание как форму социально – полезной деятельности.

То, что бытие в возможности управляет миром вместо богов (конечность античной религии и ее опора на близость чувственного давали широкое поле для маневра) понял еще Римский сенат, присвоив себе возможность создавать законы. С тех пор мало, что изменилось. Поменялись игры, ритуалы и стада верующих субъектов, но тот, кто столкнулся с общественным в его самых ужасных проявлениях – понял, что болтовня о цивилизованности, всего лишь болтовня. Механизмы управления, механизмы структурирования бытия не поменялись за какие –нибудь пять тысяч лет. Это к лучшему.

Опредмеченность бытия в возможности далеко не конечна... душа, шестое чувство, что – то остается необъяснимым зазором в мире, столь логичном мире. Некоторые уходят в монахи и познают ради успокоения, как будто бы вода затопляет это чувство неполноценности знания бытия; но те, кто хоть как – то косвенно прикоснулся к проблеме и почувствовал, что этот зазор и составляет то, что в современном мире принято называть «Я», добиваются общественных высот, персонифицируя в дальнейшем их с собой. Оракул в Дельфах был прав – «познай себя». Вдумайтесь – осознать себя как потенциальную движущую причину для любого бытия в возможности в этом мире, *для любого...* не зря ведь было в одной мудрой книге сказано, что человек создан из глины, а в другой еще более ранней – из земли. Это вечная возможность, вечная потенция воплощения. Осознать это до конца, до предельности своей собственной судьбы, до смерти, как константу своей жизни.

Философия ли это для свободных умов, для избранных? Следует ли читать Ницше, перед тем как умозрительно понимать и воплощать людологию? Если есть такая возможность соприкоснуться с результатом путешествий, не путешествуя, то почему бы и нет? Читайте Ницше для того, чтобы понять к чему приведет вас познание мира сквозь призму игрового. Претензия ли то на оригинальность, пожалуй, да, слишком много в нас от игроков, и танцоров, – отсюда такое злоупотребление вниманием.

Отсюда же уверенность, мнимая уверенность в том, что это кто –нибудь когда –нибудь прочтет, кроме тех, кто в силу судьбы обязан уделять тебе внимание. Но может быть хватит откровений личного плана. Перейдем к методологии!

Если говорить о силе бытия в возможности, то нет лучшего примера, чем мое теперешнее состояние. Я смертельно устал, моя нервная система близка к психическому расстройству, а может быть оно произошло и я просто не знаю об этом, ведь я не врач. Но все равно уставший, ночь не спавший, всего опасаящийся я сижу за рабочим столом и пишу. Пишу потому что когда – то очень давно, лет 15 назад я решил, что буду писать и писать романы, а лет 7 назад я придумал, что писать необходимо регулярно. Эта идея, а точнее ее не выполнение измучили меня. Каждодневные мучения, что я не написал положенного количества страниц,

вечные перемены планов, разрушительные депрессии, все это лишило меня всего, это убивает меня, это лишает меня времени, это лишает меня рассудка, но вместе с тем я знаю, что *это* необходимость, которой не избежать. Если я не напишу какого – то, пускай вымученного количества страниц, которые даже в ближайшие десять – двадцать лет не увидят свет в печати, либо просто будут мною утеряны, как уже не раз бывало, – я потеряю смысл своего существования. Оно убивает меня неумолимо, ибо я не могу реализовать бытие в возможности, когда – то неопрометчиво созданное мною. БВВ с необходимостью должно реализоваться в действительность, либо в форме воплощения, либо в форме неудачной попытки, либо вообще не реализоваться (отрицательное снятие), последнее в зависимости от степени персонификации субъекта реализации может убить последнего.

Такова судьба. И не только для творческого человека. В XX веке не раз были ситуации, когда судьбы миров зависели от реализации, неумолимости реализации бытия в возможности, содержание которого и результаты воплощения были противоположны. Неумолимость, неизбежность, необратимость – вот первейшие характеристики бытия человека. Стоит где – нибудь произойти сбою в повседневном, образоваться новому бытию в возможности, как человеческое заполняет собою эту новую область, превращая ее в новое социальное бытие. Казалось бы, такая оплошность —царапать кусочком глины, вместо того чтобы положить его в глиняный мешочек – маленькая черточка под временем до и после.

Бытие в возможности это тот элемент парадигмы бытия, который определяет само бытие, определяет степень различия и увязывает мир в систему. Если хочешь изменить мир – измени бытие в возможности мира. Для политика это изменение движущей причины – возвысить и укрепить сторонников, так появляются великие империи (Рим, Рейх, СССР, Золотая Орда и пр.), для философа – изменить взаимосвязь мира, основу мира, то благодаря чему все существует. Для обычного человека – изменить самооценку и оценку внешнего в явлении, позволить себе быть чем – то, позволить себе быть успешным и прочее. Любое изменение в области бытия в возможности влечет девиацию в действительном. Поэтому человеческому необходимы единые основания снятия противоречий действительного, такой формой снятия противоречий становится то, что мы еще пока называем государством. Оно возвысилось над многообразным, оно стало формой приведения людей в соответствие должному образу. Источником последнего была ранее исторически сформировавшееся бытие в возможности, в последующем – лично сформированная воля монарха, правящего класса. Противоречия бытия в возможности по природе становятся *положительными* и *отрицательными*, такими они были и ранее, но к этому ранее индивидуум должен был приходить через личный опыт, семью и прочие «институты», с появлением же государства и отбора приемлемых форм организации социальной материи появилось публичное понимание, независящее от воли, сознания индивидуальности. Преступление становится только тогда, преступлением, когда об этом указано в законе (*nullum crimen sine lege*).

В мире появляется целесообразность жизни, целесообразность и подчиненность общему, появляется новый вид бытия в возможности, в котором противоречия уже сняты, и которое, оставаясь при этом абстракцией, не требует ритуальности, кроме суммы действий свидетельствующих о его воплощении (технология). Из сферы энтелехии изымается агональность. Трудно переоценить этот период времени. Именно здесь человеку открывается возможность продолжения самое себя в коллективности действия, появляется возможность не быть одиноким перед лицом своего разума, вселенской организованности. Именно это дает толчок науке, так как позволяет быть уверенным, что ею можно спокойно заниматься как отдельной формой деятельности, ибо остальное в руках государства (организованных, стандартизированных в праве форм перехода, перевода возможного в действительное). Поэтому государство – это бытие в действительности права, а право – бытие в возможности государства.

Наконец, это меняет образ отношения к миру всех и вся, появляется жажда стабильного, спокойного, рождение человека из зверя приходит с играми, лишенными алеантности. Активная позиция в гражданском обществе древнего грека была продолжением древней уверенности в том, что все требует твоего участия, во всем ты должен быть движущей причиной, если хочешь, чтобы это существовало относительно тебя, твоего сознания. С усилением государства (всего того, что несет в себе внеличное, общественное), естественно, уменьшается участие каждого, это нормально. Появляется возможность опираться на принцип, что необходимо существует не только то, что прочувствовано, но что есть само по себе бытие чего – либо, необязательно связанное с личной перцепцией бытия в действительности, а уж тем более участием в его структурировании. Так рождается цивилизация, так рождается представление о пространстве. Ранее бытие в возможности являлось основанием экзистенции (например, в замкнутом сообществе, люди которых не знали – не существовали относительно данного замкнутого сообщества), теперь же оно стало основанием для сходства и различия, не более. Это основа нашей современной цивилизации. И именно эти различия по сравнению с конкурирующими типами понимания бытия ведут нас к катастрофе.

В этот период структурируются такие формы бытия в возможности как время, пространство, система суждений и прочее. Человек перестает быть воплощенностью, он становится абстракцией, прописываются детально конкретные маски, статусы (гражданин, должностное лицо и прочее). Постепенно роль личности, основного звена парадигмы существования, нивелируется. Ранее задачей было общее бытие в возможности для всех по объему его содержания и реализации, скорость каравана определялась по самому отстающему верблюду, именно поэтому спартанцы убивали уродов и недоразвитых, не из эстетических потребностей, они не желали тормозить ход развития общества в целом. Но затем человека, рядового человека изымают из сферы сопричастности общественному, в нем уже не находят общественного, его забывают как центральную фигуру любой парадигмы, люди становятся предметной стороной энтелехии бытия в возможности, которое им не принадлежит, которому они не сопоставлены (долг, патриотизм, интересы государства и прочее). У человека отбирают гносеологию и оставляют только функциональность онтологии. Происходит персонификация в роде деятельности. Последним, кто обратил внимание Европейской цивилизации на данную проблему был Артур Шопенгауэр, но мало что изменилось с тех пор. Генезис трехтысячелетней давности в Европе, как матрица в современности: меняются объемы, формы отношений, но сама суть организации социума остается неизменной.

В современном мире существует бытие в возможности, которое вообще не сопоставлено человеку в области познания. Фактически, это институт жертвоприношения, как ранее человеческая жертва богам была игрою, в которой жертва (человек) не была сопоставлена ничему с точки зрения парадигмы, кроме как вещного атрибута парадигмы, так и сегодня в большинстве случаев организации человек – это всего лишь предметная сторона энтелехии, неведомой ему и скрытой; сам же он – жертва в ритуале.

Когда мечтаешь, не нужно себя ограничивать – вот девиз Нового времени. Создаваемые схемы и формы организации мира, вопреки естественным законам структурирования мира, завели нас в ту область, где нарушен закона Стагирита и в одно и то же время, в одном и том же месте существует множественность противоречий, бытие которых взаимоисключающе. Мы сами исключили мир, создав новое пространство, а точнее его отсутствие. Именно поэтому апория «Ахиллес и черепаха» сегодня непонятна в школах вообще. Пространство перестало быть преградой, слова доказательством, вера дорогой к Богу, человек – центром мира. Развитие практической мифологии в идее государства и прочие мистификации приводят к тому, что сегодня на эволюционной шкале мы намного ближе к звериному, чем 6—7 тысяч лет назад. Копирование мира в отсутствие оригинала, многослойность лабиринтов любого понятия. Предел очень близок, ближе, чем мы думаем. Существование мира в его сегодняшнем состоянии

это даже не театр, это цирк уродцев, чудовищность, омерзительность. Бедный Ницше, он был один, кто чувствовал это в 19 веке, он первый начал поиск человека, того что от него осталось и не нашел его. Действительно, что сегодня человек?

XX век убедил нас в том, что человека вообще нет, есть сгусток каких – то страхов, воспроизводимых нервных реакций, проекций и прочее. Сегодня трудно найти действующего субъекта, нацеленного на исполнение какого – то действия, кругом сплошные нервные реакции. Фашизм пришел к власти не гениальностью Гитлера, а в силу раздавленности поколения, родившегося до электрификации. Начало XX века это время, когда индивидуальность была раздавлена прессом механизированности, Научно- технической революцией, новой организацией мира. Если где еще и оставались люди способные видеть собственными глазами, то они не могли ничего сказать, а тем более высказаться по тому поводу, где все говорила техника. На этом фоне неуверенности было необходимо уверовать и каждая нация уверовала по своему, кто- то в национал- социализм, кто- то в коммунизм, кто- то в прогрессивность экономики.

Но не следует забывать, что сегодня – тот момент, которого еще не было в истории – длина жизни человека может включить в себя срок полномочий 10 – 15 правителей. За одну жизнь человека мир изменяется до неузнаваемости, как геополитически, так, иногда, и географически. Человек не то, что не успевает за общественным, его вообще нет в цепочке событий. Политика стала формой структурирования общих суждений, сферой бытия «Богов – однодневок», в области науки —нет единого способа передачи информации, единого бытия в возможности. Ортега- и – Гассет по этому поводу хорошо сказал, что необходимо научиться жить в Хаосе, зная, что погибаешь. Но позвольте, изначально человеческое возникало как призма хаотичного, человек – это трафарет, который накладывается на хаотичное и то, что попадает в трафарет становится системой, стабилизированной относительно данного трафарета, а все, что не попадает в этот трафарет и называется хаосом, неизвестностью и прочее. Расширение этого трафарета, расширение круга человека – естественность, но проблема дня «сегодняшнего» (200- 300 лет) – это отсутствие такого трафарета вообще, отсутствие человека. Нет бытия в возможности, составляющего парадигму человека. Вернуть человека в его первичное доцивилизационное состояние, где он необходимо должен сам снимать возникающие противоречия в области бытия в возможности, провозгласив, что только личное знание, верифицированное эмпирически может быть основой для бытия, – невозможно. Это, конечно, легко исполнимо в отношении отдельных групп, и даже народов... цивилизация, уничтожив человека, противопоставив его себе, чувствует себя при этом прекрасно, ибо исполняется цикл реализации бытия в возможности и в рамках энтелехии реализуются, структурируются все четыре причины; любой ритуал относительно самое себя, любая парадигма в отношении себя, упорядочена и целесообразна, мир гармоничен. Логика абсурда – самая сильная. Вернуть человеку самого себя, можно только научив его самостоятельно мыслить не с позиции «я и мир». Это позиция философа, и с этой позиции мир однозначно подлежит упразднению, через уничтожение, а с позиции «я в мире». Это положение потребления, но при этом необходимо исключить фактор персонификации в мире, ибо, как только человек персонифицируется, он теряет способность мыслить самостоятельно для себя и мыслит для мира в себе, для того бытия в возможности, которое составляет его сущность в данный и конкретный момент, и сгорает при этом, переживая противоречия этого мира, снимая их относительно самое себя. Нельзя выпрыгнуть за рамки бытия, парадигма абсолютно достоверна для играющего, и тем более для включенного в игру. Человеческое всегда стремилось освободиться от этого и через обеты монахов, и через образ жизни и прочее, но истинным освобождением являются всего две вещи – война и творчество. Первое уничтожает действительное, это знак смерти, второе уничтожает идеальное, сначала для одного (что вполне достаточно), затем для остальных. Все в этом обществе продукт *индивидуальности*. Ни тот, ни другой путь не меняют системы организации социума. Это замена либо факта, либо содержания бытия в возможности. Как правило, войн больше,

чем достойных форм структурирования такого бытия в возможности, которое заменяет трафарет на новый. Лучшей формой является, безусловно, религия. Это феномен последних 2000 – 2500 лет. Все последние удачные религии были направлены только на одно – избавить человека от ответственности за бытие мира. Они должны привить автоматику в бытии мира, он существует вне человека, и есть форма ответственности за мир, она – в руках Бога. Действуй согласно Богу, будь унифицирован в действительном, это позволит миру быть таким, какой он есть. Это позволит государству, правителям быть спокойными относительно существования мира.

Сегодняшние деятели государства не понимают, что они «управляют» миром, которого в сущности нет, попытка обуздать хаос, – «не ловите воду сетями». Функциональность государства утрачена, функциональность политиков растет, точнее уверенность в их функциональности (но и это только последние 50—60 лет). Мы на пороге катастрофы. По историческим меркам пройдет совсем немного времени, если выражаться по – восточному (с их точки зрения суждения о времени в Великом государстве), – мы уже в тени катастрофы.

Интереснее всего то, что, необратимость, неотвратимость – это свойство человеческого. Легче воскресить мертвого и лучше его воскресить для этого, чем остановить катастрофу. Бытие в возможности с необходимостью реализуется в действительное. Предчувствие упадка – во всем, в действии каждого человека. Живи каждый день, как первый день всей оставшейся жизни, или каждый шаг необходимо воспринимать как последний. Мудрость человека современного – мудрость умирающего.

Основа 10

Сцепление возможности и действительного неуловимо для эмпирического. Эмпирическое всегда индивидуально, но даже о его существовании мы можем узнать не иначе, как из области возможного (умение излагать чувственное, умение понимать мотив и задачу прожитого). Разложить бытие на две составляющие – означает понимать бытие изолированно от человека, ибо сам человек обнаруживает в области действительного то, что более всего ему соответствует, обнаруживая в себе, как область возможного, так и область действительного (равновесие себя как идеального и реального, символ). Человек в рамках непосредственной чувственной перцепции может вообще не улавливать сущности тех парадигм, с которыми он взаимодействует, бытие будет проходить мимо него, не соприкасаясь с областью сознания, несмотря на то, что в своей области он обладает вполне адекватными реакциями. Так бывает с чужеземцами, подсудимыми в суде (исключение суд присяжных), такова природа войн и непониманий. Эмпирическое основание – есть всего лишь часть суждения. Бытие человека как субъекта воспринимающего, есть бытие антагонизмов, уравновешенных в той или иной степени устройством общезития. Но полагаться на человека как на метод познания сегодня – невозможно. Однако до сих пор наша цивилизация устроена именно таким образом, что во всем, где мы сталкиваемся с управлением масс, мы сталкиваемся с использованием человека как инструмента организации устройства общества. Человек является инструментом, благодаря которому происходит структурирование представлений о реальном и дальнейшее принятие решений. Знание человека, то бытие в возможности, которое он приобрел в рамках системы образования, та должность, «место», которое он занимает в системе, и на котором он применяет это знание и является областью, где реализуется парадигма, ради которой задумывался цикл, включающий в себя и человека, и систему образования. Вдумайтесь, как слабо организована наша сегодняшняя система, если в области принятия сущностно важных решений мы полагаемся на самих себя. Чиновники, служащие, специалисты, ученые и прочие, блуждающие в темноте современности, в тени катастрофы. Спросите у любого из них, в чем сущность его деятельности, в чем ее смысл и кто он... А между тем вся та масса, которая управляема, приписывает тем, кто управляет свойства мифологического плана, которыми были наделены лишь олимпийские боги в древности. Государство как божественность, как непознанное и непознаваемое. Это та чудовищность, на примере которой можно проиллюстрировать, как глубоко мы увязли в противоречиях современного, что же говорить о других более сложных вещах (?). Например, о судьбе, неужели никого не интересует ради чего он появился на свет и в чем конечный смысл жизни? Или мы так и будем скрываться за играми и повседневными ритуалами общения и структурирования времени и пространства? Как же категории счастья, любви и прочего? Все эти индивидуально – структурируемые понятия, да и что сегодня индивидуальность?

От того, например, как сформированы некоторые моменты бытия в возможности человека зависит, как будет структурироваться время и пространство в области бытия индивидуума. Это во многом может определить успешность человека, и протяженность его жизни, это во многом определит кем станет человек – сапожником или императором. От структурности бытия в возможности, от способности целеполагать, зависит состояние нервной системы человека с физиологической точки зрения, кому – то и проделанной работы за день в виде количества деталей и погруженных мешков, достаточно для того, чтобы чувствовать себя счастливым и полноценным человеком, а кому —то мало и целого мира в виде завоеванной империи. Догореть до конца в рамках парадигмы действительного – редкость для человека. Трезвость жизни – это ужасно.

Людология, как аспирин, как то, что снимет похмелье романтизма собственного «Я». Необходимо запомнить, что «Я», в принципе, не существует – это последствия неправильного отношения организации мира, то, что позволяет скорректировать прохождение бытия в возможности от одного субъекта к другому субъекту. «Я» возникает как совокупность самореализуемых форм, которые должны принадлежать индивидууму для включения в общественные формы.

Основа 11

Структура бытия в возможности может варьироваться. Бытие в возможности согласно классической школе всегда остается неизменным, это та *праформа*, с которой все начинается (идея) и которой все заканчивается (воспоминание). Анализ бытия в возможности как структурного элемента бытия – занятие схоластическое и пустое, во многом обременительное, но необходимое для полноты картины.

Приступим.

1. Бытие в возможности, недоступное для восприятия. Это иллюзия бытия. К примеру, до открытия законов физики, например тяготения, представления о падении предметов не были увязаны с законом тяготения и он не определял бытие в возможности данного свойства вещей мира. Но с тех пор, как он был сформулирован, падение есть реализация бытия в возможности, а энтелехией является факт того, что предмет упал. Восприятие самого падения через закон тяготения позволило сегодня построить самолеты и космические корабли. И совершенно справедливо было бы полагать, что данный закон отражает объективную природу, которую всего лишь «открыли», или точнее обнаружили, сама же она существовала и до Ньютона. Просто, до него данное БВВ было недоступно для восприятия. В этой стадии обычно приводят пример пороха, который открыли китайцы, но применили его в военных целях только европейцы. Таким образом, сравнивают БВВ с кислородом растворенным в воде, оно присутствует в соединениях этого мира во всем и вся, и задача познающего, как алхимика состоит в том, чтобы вычленил из представленной и доступной исследованию массы, определенное БВВ, увязав его и привив ему новую форму реализации, расширив тем самым «круг человека».

Но это заблуждение. Бытие в возможности не существует вне человека и не имеется в виду исключительная способность человека воспринимать БВВ, человек структурирует бытие в возможности, структурируя мир. Если можно сравнить с физикой мир человека и мир плотности, занятой сознанием, то человек – вечная работа сцепления возможного и действительного, структурирование нового бытия в возможности – это образование пустоты в области заполненности мира человека. Это новая сфера бытия, в которой все существует по – новому, так как именно новое бытие в возможности, проходя через чувственное сначала его создателя, затем и тех, кто приобщается к данному новому БВВ, становится формой и основой познания мира, его существования.

Поэтому не бывает «вещи в себе». Есть бытие в возможности, которое имеет разную степень известности по кругу субъектов, которым оно доступно, – не более.

Для подтверждения этого тезиса обычно приводят пример открытия Коперника, а, как модно говорить, Галилея, о том, что не солнце вращается вокруг земли, а земля вокруг солнца. Все зависит от того насколько то или иное бытие в возможности опосредует чувственное. Поверьте, это не последняя версия взаимоотношений земли и солнца (теория оптического восприятия в своей относительности данного открытия к чувственной верификации была прекрасно раскрыта Импре Лакатосом).

Есть и другой менее известный пример, его приводят обычно последователи Ньютона (философы, взрослые на естественных науках). Видеть сущность. Вот, например, листва на деревьях, зеленая листва. Все то, что ассоциируется с жизнью, с тем, что может быть жизнью. Оказывается зеленый цвет листьев – продукт химических реакций, свидетельствующих об отравлении жизненно важных элементов органики и соответственно зеленый цвет – это цвет яда, цвет отравления жизни, точнее момент смерти. И именно в этом сущность «вещи» в данном рассуждении. Понимание этого, по мнению автора, такой тезы, свидетельствует о приобщении к истине. И это логически обоснованно и эмпирически доказано, более того, если

данную форму рассуждения в достаточной степени медиатизировать и довести до персонифицированного круга лиц – она не будет казаться такой уж дикой.

Фридрих Ницше (да не обвинят меня в фанатизме мужеству этого человека) в свое время точно отметил, что естественные науки – это трактование мира, а не знание о нем. Лично мне ближе шаманство и прочие атрибуты знатоков того времени, чем заумное и до конца не самоосознанное представление сегодняшней эмпирической науки. С другой стороны, представители подобного знания впервые повлияли на этот мир настолько, что именно от их знания стал зависеть сам мир как форма воплощения какой – либо идеи вообще (создание ядерного оружия, например). Думаю, что имена Оппенгеймера (особенно в этимологической связи – *open game*) и его команды еще будут вспоминать, как вспоминают имена титанов Древней Греции, или великих богов шумеров с которых начался мир. Но это время настанет еще нескоро.

Необходимо четко понимать, что жизнь в том плане, как ее понимает человек, начинается с бытия в возможности, которое является его имманентностью. Именно поэтому бережное отношение к мысли, к области мысли, все то, что угадывалось человеком в различных религиях этого мира (чистота помыслов) не пустой звук, а основа для бытия человека как биологического вида (с учетом его не приспособленности к выживанию в дикой природе).

Бытие в возможности, недоступное для восприятия бывает только в отношении групп субъектов, но не бывает бытия в возможности вне связи с человеком вообще. Везде, где есть бытие в возможности, был, либо есть, человек, соприкосновение с ним. Понимание этого – первый шаг к пониманию сущности организации мира, человека.

2. Первичное бытие в возможности. Иногда данное БВВ называют индивидуальным бытием в возможности, но это не совсем верно. Если опять отказаться от субъектного анализа, то есть не воспринимать человека как нечто существующее само по себе, а понимать человека как элемент движущих причин парадигм, то и сам анализ БВВ будет происходить относительно места БВВ в системах и связях парадигм. Для древнего грека это было значительно проще.

Отсюда в частности и данная классификация. Первичное БВВ это бытие в возможности до реализации в действительность, а точнее еще не реализовавшееся в действительность. Вне субъектного анализа данное утверждение носит абсолютизированный характер (в противном случае мы могли бы говорить о том, что оно не реализовалось по отношению к определенному субъекту или субъектам, это тоже важный элемент анализа, но не определяющий).

В данном состоянии бытию в возможности присущи неустранимые противоречия, как относительно атрибутики будущего вечного субстрата (если речь идет о воплощении), так и относительно качественного состояния будущего, если речь идет о внеэмпирических формах организации материи. Характерной особенностью является то, что каждое из противоречий является истинным в рамках бытия в возможности. Для первичного бытия вне субъекта это вообще противоречия экзистенциального порядка (будет или не будет).

В рамках преломления к субъекту, следует отметить следующее – бытие в возможности как первичное существует только для творческого субъекта реализации, то есть индивидуум создает нечто связанное только с ним самим и поэтому для него первичное (и абсолютно первичное для остальных, а потому остальными и невидимое, не воспринимаемое). В классическом примере с скульптурой анализ строится следующим образом. Образ, замысел скульптора относительно скульптуры, которую он собирается изваять – это бытие в возможности. Оно первично для скульптора, он сам придумал какой должна быть скульптура. Неустранимые противоречия здесь представляются в виде сомнения относительно того получится ли изваять скульптуру или нет (т.н. «муки творчества»). В тот момент, когда они достигают полярности, они снимаются в действительном – человек приступает к валянию, к деятельности. Сумма действий, как выразятся нелюдологи, является процессом реализации, который поистине чудотворен, так как из простого сырья (мрамор, гипс и прочее) рождается статуя. Играя с формами,

с материальным вплоть до того момента, когда работа будет закончена (статуя), скульптор является *движущей причиной*. В тот момент, когда реализована *формальная причина* (*сумма и последовательность действий, эмоциональный накал, зависящий от действий, методики, время, место, обстановка и прочее*), она трансформируется в *материальную* (*результат, статуя*). Таким образом, движущая причина – скульптор, формальная – игра, материальная – статуя. Энтелехия, по общему правилу, это процесс реализации и конечный результат. Конечный результат всегда представлен одним из противоречий первичного бытия в возможности, в данном случае, когда противоречия носят экзистенциальный характер это будет либо удачная попытка реализации образа статуи, либо неудачная (то есть ничего не получится). Это не означает, что не удастся претворить мрамор в образ человека, мрамор, как раз таки претерпит свои изменения и формальная причина (то, что позже будет названо технологией) так же может быть полностью реализована, но только в том случае, когда конечный результат (продукт игры) устроит движущую причину (скульптора) можно будет говорить о завершенности парадигмы. Только в случае приемлемости движущей причиной результата формальной. Необходимо ли говорить о том, насколько это трудоемко. Создание такого результата может занимать всю жизнь при том, что субъект будет посвящать этому все то время, которое доступно ему для восприятия и распоряжения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.